

Макс пересылал в свой любимый Коктебель все, что стоило восхищения: тысячи книг, этнические ножи, чаши, четки, кастаньеты, кораллы, окаменелости, птичьи перья и... красивых женщин

1910—1912 гг.

резкостью. Лишь самые близкие знали: Макс не столь толстокож, каким хочет казаться. Вскоре после расставания с женой он признался в одном письме: «Объясните же мне, в чем мое уродство? Всюду, и особенно в литературной среде, я чувствую себя зверем среди людей — чем-то неуместным. А женщины? Моя сущность надоедает им очень скоро, и остается только раздражение...»

...А «семьи нового типа» у Маргариты с Ивановыми так и не получилось. Взрослая дочь Лидии от первого брака — белокурая бестия Вера — очень скоро заняла ее место в «тройственном союзе». А когда Лидия умерла, Вячеслав женился на Вере. Нежной Аморе оставалось только писать бесконечные этюды к задуманной картине, в которой Иванов изображал Диониса, а она сама — Скорбь. Картина так никогда и не была закончена.

МИСТИФИКАЦИЯ ВЕКА

Макс горевал недолго. Нет Амори — есть Татида, Маревна, Вайолет — синеглазая ирландка, бросившая мужа и помчавшаяся за Волошиным в Коктебель. Но все это так, мимолетные романы. Может быть, только одна женщина зацепила его всерьез. Елизавета Ивановна Дмитриева, студентка Сорбонны по курсу старофранцузской и староиспанской литературы. Хромая от рождения, полноватая, непропорционально большоголовая, зато мила, обаятельна и остроумна. Гумилев пленился первым. Он и уговорил Лилию ехать на лето в Коктебель, к Волошину.

В толпе гостей Николай и Лилия броди-

ли за Максом по горам, тот то и дело останавливался, чтобы приласкать камни или пошептать с деревьями. Однажды Волошин спросил: «Хотите, зажгу траву?» Простер руку, и трава загорелась, и дым заструился к небу... Что это было? Неизвестная науке энергия или очередная мистификация? Лилия Дмитриева не знала, но Максово зевосподобие сразило ее. И, увидев каменный профиль на Карадаге, справа от Коктебеля, она не слишком удивилась: «Волошин, это ведь ваш портрет? Хотела бы я видеть, как вы это проделали... Может быть, специально для меня запечатлеете свой лик еще раз — слева от Коктебеля, под пару первому?» «Слева — место для моей посмертной маски!» — патетически воскликнул Макс. Сама Пра поощрительно улыбалась, вслушиваясь в их диалог. Мог ли Волошин не влюбиться в Лилию после этого? Получив отставку, Гумилев еще с неделю пожил у Волошина, гулял, ловил тарантулов. Затем написал замечательный поэтический цикл «Капитаны», выпустил пауков и уехал.

Волошин женился бы на Лиле сразу, но сначала нужно было развестись с Сабашниковой, а это оказалось делом непростым и долгим. Что ж! Влюбленные готовы были ждать. Под влиянием Макса Лилия принялась писать стихи — все больше по старофранцузским и староиспанским мотивам: о шпагах, розах и прекрасных дамах. Решено было ехать публиковаться в Петербург, к приятелям Волошина, возглавлявшим модный журнал «Аполлон». Гумилев, кстати, тоже был одним из редакторов «Аполлона». И сле-